

УДК 1(091)(430)
ББК 87.3(4Гем)
Ш79

Оригинал-макет подготовлен
издательским центром «НОУФАН»
nofunpublishing.com
valery@nofunpublishing.com
+7 (903) 215-68-69

Шопенгауэр, Артур.

Ш79

Мир как воля и представление : [перевод с немецкого] / Артур Шопенгауэр. – Москва : Эксмо, 2015. – 160 с. – (Великие идеи).

ISBN 978-5-699-78857-6

Артур Шопенгауэр — немецкий философ-иррационалист. Учение Шопенгауэра, основные положения которого изложены в труде «Мир как воля и представление» и других работах, часто называют «пессимистической философией». Считал человеческую жизнь бессмысленной, а существующий мир — «наихудшим из возможных миров».

Мир по Шопенгауэру — это «арена, усыпанная угольями», через которую человеку предстоит пройти. Движущая сила всего — воля к жизни, порождающая желания. Но даже если желания удовлетворены, человек не способен испытывать счастье, вместо этого его ждут пресыщение и скука, а затем новые желания и страдания.

Оригинальные идеи Шопенгауэра получили развитие в различных сферах общественной и научной мысли. Его взгляды повлияли на психоанализ и теорию эволюции, на различные направления философии и изучение структуры языка.

Первый перевод труда Шопенгауэра на русский язык был выполнен в 1903 году литературным критиком Юлием Исаевичем Айхенвальдом, который называл себя критиком-импрессионистом и пользовался большим уважением в литературных кругах. Благодаря переводам Юлия Айхенвальда нам доступны все основные работы Артура Шопенгауэра.

Как и другие книги серии «Великие идеи», книга будет просто незаменима в библиотеке студентов гуманитарных специальностей, а также для желающих познакомиться с ключевыми произведениями и идеями мировой философии и культуры.

УДК 1(091)(430)
ББК 87.3(4Гем)

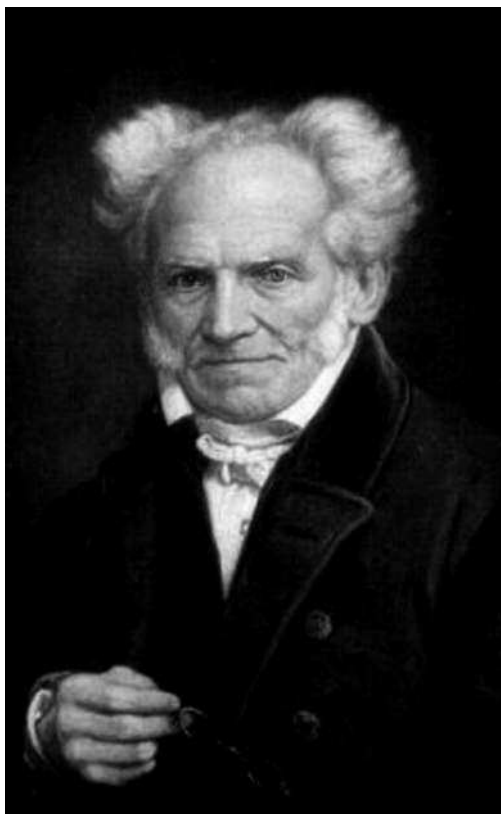
ISBN 978-5-699-78857-6

© ИП Сирота, текст, 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

| СОДЕРЖАНИЕ

Философ пессимизма.....	5
Предисловие	6
О МИРЕ КАК ПРЕДСТАВЛЕНИИ	7
Предисловие к первому изданию.....	8
Первое размышление: представление, подчиненное закону основания: объект опыта и науки	17
§ 1	17
§ 2	20
§ 3	22
§ 4	25
§ 5	32
ИЗБРАННЫЕ АФОРИЗМЫ.....	36
§ 6	42
§ 7	52
§ 8	66
ИЗБРАННЫЕ АФОРИЗМЫ.....	70
§ 9	74
§ 10.....	90
§ 11.....	92
§ 12.....	94
ИЗБРАННЫЕ АФОРИЗМЫ.....	98
§ 13.....	105
§ 14.....	109
§ 15.....	121
ИЗБРАННЫЕ АФОРИЗМЫ.....	130
§ 16.....	144
ИЗБРАННЫЕ АФОРИЗМЫ.....	156

Артур Шопенгауэр
1788–1860

| Философ пессимизма

Артур Шопенгауэр — немецкий философ-иррационалист. Учение Шопенгауэра, основные положения которого изложены в труде «Мир как воля и представление» и других работах, часто называют «пессимистической философией». Считал человеческую жизнь бессмысленной, а существующий мир — «наихудшим из возможных миров».

1788 — Артур Шопенгауэр родился в прусском городе Данциге (ныне Гданьск, Польша). Его родители были образованными людьми, отец занимался торговлей, мать держала литературный салон.

1799 — Поступил в элитарную частную гимназию Рунге.

1805 — По настоянию отца начал работать в крупной гамбургской торговой компании.

1809 — После смерти отца и двухгодичной подготовки поступил на медицинский факультет Геттингенского университета. Позже перешел на философский факультет.

1812 — Йенский университет заочно присвоил Шопенгауэру звание доктора философии.

1819 — Шопенгауэр завершил и опубликовал свой главный труд «Мир как воля и представление». Об остальных сочинениях говорил, что написал их лишь для его популяризации.

1820 — Начал преподавать в Берлинском университете в звании доцента. В это же время там работал Гегель, между двумя философами возникли разногласия.

1831 — Шопенгауэр, спасаясь от холеры, покинул Берлин и поселился во Франкфурте-на-Майне.

1840-е — Стал членом одной из первых организаций, защищавшей права животных.

1860 — Философ скоропостижно скончался от пневмонии.

| Предисловие

Центральным трудом своей жизни Артур Шопенгауэр считал работу «Мир как воля и представление», а все, написанное после, — лишь ее продолжением и разъяснением. Мир по Шопенгауэру — это «арена, усыпанная угольями», через которую человеку предстоит пройти. Движущая сила всего — воля к жизни, порождающая желания. Но даже если желания удовлетворены, человек не способен испытывать счастье, вместо этого его ждут пресыщение и скука, а затем новые желания и страдания.

В первой из четырех книг трактата, «О мире как представлении», философ рассуждает об объекте человеческого опыта и научных исследований, критикуя другие теории, в частности Канта. Основная мысль книги — «мир есть мое представление», то есть мир — такой, каким его видит человек, — существует лишь в его представлении.

Оригинальные идеи Шопенгауэра получили развитие в различных сферах общественной и научной мысли. Его взгляды повлияли на психоанализ и теорию эволюции, на различные направления философии и изучение структуры языка.

Первый перевод труда Шопенгауэра на русский язык был выполнен в 1903 году литературным критиком Юлием Исаевичем Айхенвальдом, который называл себя критиком-импрессионистом и пользовался большим уважением в литературных кругах. Айхенвальд написал несколько философских работ, его статьи и очерки регулярно печатались в популярных изданиях. Он много лет изучал труды Артура Шопенгауэра и в основном разделял его взгляды. Благодаря переводам Юлия Айхенвальда нам доступны все основные работы этого великого философа.

**О МИРЕ
КАК
ПРЕДСТАВЛЕНИИ**

Предисловие к первому изданию¹

Я хочу объяснить здесь, как следует читать эту книгу, для того чтобы она была возможно лучше понята. То, что она должна сообщить, заключается в одной единственной мысли. И тем не менее несмотря на все свои усилия я не мог найти для ее изложения более короткого пути, чем вся эта книга.

Я считаю эту мысль тем, что очень долго было предметом исканий под именем философии, что именно поэтому людьми исторически образованными было признано столь же невозможно найти, как и философский камень, хотя уже Плиний сказал им: «Сколь многое считают невозможным, пока оно не осуществится».

Смотря по тому, с какой из различных сторон рассматривать эту единую мысль, она оказывается и тем, что называли метафизикой, и тем, что называли этикой, и тем, что называли эстетикой. И, конечно, она должна «быть всем этим», если только она действительно есть то, за что я ее выдаю.

Система мыслей должна постоянно иметь связь *архитектоническую*, то есть такую, где одна часть всегда поддерживает другую, но не поддерживается ею, где краеугольный камень поддерживает, наконец, все части, сам не поддерживаемый ими, и где вершина поддерживается сама, не поддерживая ничего. Наоборот, *одна-единственная мысль*, как бы ни был значителен ее объем, должна сохранить совершенное единство. Если, тем не менее, в целях передачи она допускает разделение на части, то связь этих частей все-таки

¹ Книга первая из труда «Мир как воля и представление» («Die Welt als Wille und Vorstellung»), пер. с нем. Ю. И. Айхенвальда.

должна быть *органической*, то есть такой, где каждая часть настолько же поддерживает целое, насколько она сама поддерживается им, где ни одна не первая и не последняя, где вся мысль от каждой части выигрывает в ясности и даже самая малая часть не может быть вполне понята, если заранее не понята целое. Между тем книга должна иметь первую и последнюю строку, и потому в этом отношении она всегда остается очень непохожей на организм, как бы ни походило на него ее содержание: между формой и материей здесь, таким образом, будет противоречие.

Отсюда ясно, что при таких условиях для проникновения в изложенную мысль нет иного пути, как прочесть эту книгу два раза, и притом в первый раз с большим терпением, которое можно почерпнуть только из благосклонного доверия, что начало почти так же предполагает конец, как конец — начало, и каждая предыдущая часть почти так же предполагает последующую, как последующая — первую. Я говорю «почти», ибо вполне так дело не обстоит, но честно и добросовестно сделано все возможное для того, чтобы сначала изложить то, что менее всего объясняется лишь из последующего, как и вообще сделано все, что может способствовать предельной отчетливости и внятности. До известной степени это могло бы и удалиться, если бы читатель во время чтения думал только о сказанном в каждом отдельном месте, а не думал (что очень естественно) и о возможных отсюда выводах, благодаря чему, кроме множества действительно существующих противоречий мнениям современности и, вероятно, самого читателя, приходят еще много других, предвзятых и воображаемых. В результате возникает страстное неодобрение там, где пока есть только неверное понимание, тем менее признаваемое, однако, в качестве такового, что обретенная с трудом ясность слога и точность выражения, хотя и не оставляют сомнений в непосредственном смысле сказанного, но не могут одновременно обозначить и его отношений ко всему

остальному. Поэтому, как я уже сказал, первое чтение требует терпения, почерпнутого из доверия к тому, что во второй раз многое или всё покажется совершенно в ином свете. Кроме того, серьезная забота о полной и даже легкой понятности при очень трудном предмете должна служить извинением, если кое-где встретится повторение. Уже самый строй целого — органический, а не похожий на звенья цепи — заставлял иной раз касаться одного и того же места дважды. Именно этот строй, а также очень тесная взаимосвязь всех частей не позволили мне провести столь ценимое мною разделение на главы и параграфы и принудили меня ограничиться четырьмя главными разделами — как бы четырьмя точками зрения на одну мысль. Однако в каждой из этих четырех книг надо особенно остерегаться, чтобы из-за обсуждаемых по необходимости деталей не потерять из виду главной мысли, к которой они принадлежат, и последовательного хода всего изложения. Вот первое и, подобно следующим, неизбежное требование, предъявляемое неблагосклонному читателю (неблагосклонному к философу, потому что читатель сам — философ).

Второе требование состоит в том, чтобы до этой книги было прочитано введение к ней, хотя оно и не находится в ней самой, а появилось пятью годами раньше, под заглавием «О четверояком корне закона достаточного основания. Философский трактат». Без знакомства с этим введением и пропедевтикой² решительно невозможно правильно понять настоящее сочинение, и содержание названного трактата настолько предполагается здесь повсюду, как если бы он находился в самой книге. Впрочем, если бы он не появился раньше ее на несколько лет, он не открывал бы моего главного произведения в качестве вступления, а был бы органически введен в его первую книгу, которая теперь,

² Пропедевтика — предварительное обучение, вводный курс. — *Здесь и далее прим. ред., если не указано иное.*

поскольку в ней отсутствует сказанное в трактате, являет известное несовершенство уже этим пробелом и постоянно должна восполнять его ссылками на упомянутый трактат. Однако списывать у самого себя или кропотливо пересказывать еще раз уже высказанное однажды мне было бы столь противно, что я предпочел этот путь несмотря даже на то, что теперь я мог бы лучше изложить содержание своего раннего трактата и очистить его от некоторых понятий, вытекающих из моего тогдашнего чрезмерного увлечения кантовской философией, каковы, например, категории, внешнее и внутреннее чувство и так далее. Впрочем, и там эти понятия найдутся еще только потому, что я до тех пор, собственно, никогда не погружался глубоко в работу над ними. Поэтому они играют побочную роль и совсем не касаются главного предмета, так что исправление таких мест в упомянутом трактате совершится в мыслях читателя само собой благодаря знакомству с «Миром как волей и представлением». Но только в том случае, если из моего трактата «О четверояком корне» будет вполне понятно, что такое закон основания и что он означает, на что распространяется и на что не распространяется его сила; если будет понято, что этот закон не существует прежде всех вещей и что весь мир не является лишь вследствие и в силу него, словно его королларий³, и что, наоборот, закон основания не более, чем форма, в которой всюду узнается постоянно обусловленный субъектом объект, какого бы рода он ни был, поскольку субъект служит познающим индивидом, — только в этом случае можно будет приступить к впервые испробованному здесь методу философствования, совершенно отличному от всех существовавших доселе.

« *Жизнь коротка, а истина влияет далеко и живет долго: будем говорить истину* »

³ Здесь — необходимое, само собой разумеющееся следствие чего-либо.

То же самое отвращение к буквальному списыванию у самого себя или же пересказу прежнего другими и худшими словами — ибо лучшие я сам у себя предвосхитил — обусловило и другой пробел в первой книге этого произведения, а именно я опустил все то, что сказано в первой главе моего трактата «О зрении и цвете» и что иначе дословно было бы приведено здесь. Следовательно, здесь предполагается также знакомство и с этим прежним небольшим сочинением.

Наконец, третье требование к читателю могло бы даже безмолвно подразумеваться само собою, ибо это не что иное, как знакомство с самым важным явлением, какое только знает философия в течение двух тысячелетий и которое так близко к нам: я имею в виду главные произведения Канта⁴. Влияние, оказываемое ими на ум того, кто их действительно воспринимает, можно сравнить, как это уже и делали, со снятием катаракты у больного. И если продолжить это сравнение, то мой замысел надо охарактеризовать так: я хотел вручить очки тем, для кого названная операция была удачна, так что сама она составляет необходимое условие для пользования ими. Хотя поэтому исходным моим пунктом и служит всецело то, что высказал великий Кант, но именно серьезное изучение его творений позволило мне найти в них значительные ошибки, которые я должен был вычлениить и отвергнуть для того, чтобы очищенное от них его учение могло служить мне основой и опорой во всей своей истине и красоте. Но чтобы не прерывать и не запутывать своего изложения частной полемикой против Канта, я вынес ее в специальное приложение⁵. И насколько, согласно сказанному, моя книга предполагает знакомство с философией Канта, настолько же требует она

⁴ «Критика чистого разума» (1781), «Критика практического разума» (1788) и «Критика способности суждения» (1790).

⁵ В настоящее издание не вошло.

знакомства и с этим приложением. Поэтому можно было бы посоветовать прочесть сначала приложение, тем более что по своему содержанию оно тесно при-мыкает именно к первому отделу настоящего тру-да. С другой стороны, по самому существу предмета нельзя было избежать и того, чтобы и приложение подчас не ссылалось на само произведение. Отсюда следует только то, что и приложение, как и главная часть книги, должны быть прочитаны дважды.

Таким образом, философия Канта — единствен-ная, основательное знакомство с которой предпо-лагается в настоящем изложении. Но если кроме того читатель провел еще некоторое время в школе божественного Платона⁶, то он тем лучше будет под-готовлен и восприимчив к моей речи. А если он ис-пытал еще благодетельное воздействие Вед⁷, доступ к которым, открытый Упанишадами⁸, является в моих глазах величайшим преимуществом, каким отмечено наше юное еще столетие⁹ сравнительно с предыду-щими, — ибо я убежден, что влияние санскритской ли-тературы будет не менее глубоко, чем в XV веке было возрождение греческой, — если, говорю я, читатель сподобился еще посвящения в древнюю индийскую мудрость и чутко воспринял ее, то он наилучшим образом подготовлен слушать все то, что я поведаю ему. Для него оно не будет тогда звучать чуждо или враждебно, как для многих других; ибо если бы это не казалось слишком горделивым, я сказал бы, что каждое из отдельных и отрывочный изречений, со-ставляющих Упанишады, можно вывести как след-

⁶ Платон (428/427—348/347 гг. до н. э.) — древнегреческий фи-лософ, ученик Сократа, учитель Аристотеля.

⁷ Веды — памятники древнеиндийской литературы (конец второго — начало первого тысячелетия до н. э.).

⁸ Упанишады — заключительная часть вед, основа всех рели-гиозных и философских систем Индии.

⁹ XIX век.

ствие из излагаемой мною мысли, но не наоборот, — саму ее найти в них нельзя.

Однако большинство читателей уже потеряли терпение, и у них вырывается, наконец, упрек, от которого они так долго и с трудом удерживались: как смею я предлагать публике книгу, выдвигая условия и требования, из которых первые два высокомерны и нескромны, и это в то время, когда всеобщее

« Я с глубокой серьезностью посылаю в мир свою книгу в уповании, что рано или поздно она дойдет до тех, кому единственно и предназначалась »

богатство самобытных идей столь велико, что в одной Германии они благодаря книгопечатанию ежегодно становятся общим достоянием в количестве трех тысяч содержательных, оригинальных и совершенно

незаменимых произведений и, сверх того, бесчисленных периодических журналов и даже ежедневных газет; в то время, когда нет ни малейшего недостатка в своеобразных и глубоких философах, когда, напротив, в одной Германии их одновременно процветает больше, чем могут предъявить несколько столетий подряд? Как же, спрашивает разгневанный читатель, исчерпать все это, если к каждой книге приступать с такой подготовкой?

Я решительно ничего не могу возразить против этих упреков и надеюсь лишь на некоторую благодарность со стороны таких читателей за то, что я заблаговременно предупредил их не терять и часа над книгой, чтение которой не может быть плодотворно, если не выполнены выставленные требования, и которую поэтому лучше оставить совсем. К тому же, можно смело поручиться, что она вообще не понравилась бы им, что она всегда будет служить *только для немногих людей* и поэтому должна спокойно и скромно дожидаться тех немногих, чье необычное мышление найдет ее для себя желанной. Ибо даже оставляя в стороне подготовку и напряжение,

которых она требует от своего читателя, кто же из образованных людей нашего времени, когда наука приблизилась к той прекрасной точке, где парадокс совершенно отождествляется с ложью, — кто же решится почти на каждой странице встречать мысли, прямо противоречащие тому, что он раз и навсегда признал окончательной истиной? И затем, как неприятно разочарованы были бы иные лица, не найдя здесь и речи о том, чего именно здесь, по их крайнему убеждению, и следовало бы искать, ибо образ их спекулятивного мышления совпадает с умозрением одного еще здравствующего великого философа¹⁰, который написал поистине трогательные книги и имеет только одну маленькую слабость: все то, что он выучил и одобрил до пятнадцатого года своей жизни, он считает врожденными основными идеями человеческого духа. Кто бы вытерпел все это? И поэтому я опять советую отложить книгу в сторону.

Но я боюсь, что и этим не отделаюсь. Читатель, дошедший до предисловия, которое его отвергает, купил книгу за наличные деньги, и он спрашивает, как ему возместить убыток. Мое последнее средство защиты — это напомнить ему, что он властен, и не читая книги, сделать из нее то или другое употребление. Она, как и многие другие, может заполнить пустое место в его библиотеке, где, аккуратно переплетенная, несомненно будет иметь красивый вид. Или он может положить ее на туалетный или чайный столик своей ученой приятельницы. Или, наконец, — это самое лучшее, и я ему особенно это советую, — он может написать на нее рецензию.

* * *

А теперь, позволив себе шутку, для которой в нашей сплошь двусмысленной жизни едва ли может

¹⁰ Намек на Фридриха Якоби (1743—1819), немецкого философа, твердого приверженца теизма и противника философии Канта.

быть слишком серьезна какая бы то ни была страница, я с глубокой серьезностью посылаю в мир свою книгу в уповании, что рано или поздно она дойдет до тех, кому единственно и предназначалась. И я спокойно покоряюсь тому, что и ее в полной мере постигнет та же участь, которая в каждом познании, и тем более в самом важном, всегда выпадала на долю истины: ей суждено лишь краткое победное торжество между двумя долгими промежутками времени, когда ее отвергают как парадокс и когда ею пренебрегают как тривиальностью. И первый удел обыкновенно разделяет с ней ее зачинатель. Но жизнь коротка, а истина влияет далеко и живет долго: будем говорить истину.

Дрезден, август 1818 г.